

С.И. Панов (Москва)
ORCID ID: 0000-0002-7240-7219,
О.Ю. Панова (Москва)
ORCID ID: 0000-0002-2520-120X

АМЕРИКАНСКИЕ ПИСАТЕЛИ НА ОКТЯБРЬСКИХ ТОРЖЕСТВАХ 1927 Г.

Аннотация. Празднование 10-летия Октябрьской революции было организовано советскими властями как демонстрация мировой солидарности «прогрессивной общественности» с СССР, что получило широкий отклик в литературе и прессе. В 1927 г. в разных странах создаются Общества дружбы с Советской страной, не только коммунистические партии и рабочие организации мира шлют приветствия и свои делегации в Москву, но и многие писатели Германии, Франции, Англии выступают со статьями и заявлениями в поддержку СССР. Анри Барбюс, И. Бехер были почетными гостями юбилейных торжеств, выступали с докладами. На этом фоне пребывание в Москве в конце 1927 г. классиков американской литературы Т. Драйзера и С. Льюиса имело форму скорее «частного визита», они были не столько участниками мероприятий, сколько скептическими наблюдателями советской жизни, уклонявшимися от опеки властей. Обоих писателей особенно заботили условия русских изданий их произведений. Если Барбюс в Москве завязывал «роман» со Сталиным, то поездка обоих американских писателей сопровождалась настоящими романтическими историями. Реальный исторический контекст, восстанавливаемый по письмам и документам (в том числе – архивным), помогает лучше разобраться в литературных и публицистических откликах Драйзера и Льюиса на их пребывание в СССР.

Ключевые слова: литература и идеология; травелоги; советско-американские культурные связи; Т. Драйзер; С. Льюис.

S.I. Panov (Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-7240-7219,
O.Yu. Panova (Moscow)
ORCID ID: 0000-0002-2520-120X

American Writers at the October Revolution Celebrations, 1927

Abstract. The celebration of the 10th anniversary of the October Revolution in the Soviet Union was meant to demonstrate the “worldwide solidarity of all the progressive people” with the USSR; the event was widely reported in literature and press. In 1927 there appeared societies of friendship with the Soviet Union in many countries, Communist parties and workers’ organizations of the whole world sent their greetings and delegated their representatives to Moscow; a lot of writers from Germany, Britain, France, etc. published statements and articles supporting the USSR. Henri Barbusse, Johannes Becher were among VIP invitees and keynote speakers at the October celebrations. In contrast with them, Theodore Dreiser and Sinclair Lewis, two classics of

American literature, came rather as “private visitors” who avoided taking part in the official programme and remained sceptical observers of Soviet reality. Both writers were very much preoccupied with the terms and conditions of publishing in the USSR. While Barbusse was getting involved in an “affair” with Stalin, both American writers had real love affairs during their stay in the Soviet Union. The historical context restored with the help of documents (including the archived ones) contributes to better understanding of Dreiser’s and Lewis’ literary responses to their Soviet experience.

Key words: literature and ideology; travelogues; Soviet-American literary contacts; Theodore Dreiser; Sinclair Lewis.

Русская революция и события первых лет советской власти живо интересовали многих зарубежных писателей. За отражением этой темы в иностранной прессе и литературе пристально следили с советской стороны. К 15-летию революции вышел объемный (более 700 страниц) том «Глазами иностранцев», где были представлены фрагменты путевых заметок, книг, статей иностранных писателей, побывавших в СССР – от свидетелей событий 1917 г. Джона Рида и Альберта Риса Вильямса до тех, кто приезжал на рубеже 1920–1930-х гг. Особый раздел в этом сборнике составили материалы, посвященные 10-летию революции. Из двух американских писателей – гостей Октябрьских торжеств 1927 г., выпустивших книги о своей поездке в СССР, в этом разделе представлен только один – Теодор Драйзер с фрагментом его травелога «Драйзер смотрит на Россию» (1928). Американская журналистка и литератор Дороти Томпсон и ее книга «Новая Россия» (1928) в сборнике не фигурируют. Между тем, обе книги, ставшие заметным событием литературной и общественной жизни, вписали интересную главу в историю советско-американских культурных контактов. Для анализа и оценки этих травелогов важно представлять себе обстоятельства пребывания их авторов в СССР, детали их поездки. Кроме того, приезд Драйзера и Льюиса в СССР стал важным этапом выстраивания их советских контактов, формирования их отношения к СССР и создания советского образа этих писателей.

Празднование десятилетнего юбилея Октябрьской революции стало одним из первых помпезно-показательных сталинских мероприятий в рамках культурной дипломатии СССР. Приглашение на Октябрьские торжества внушительного «десанта» зарубежных интеллектуалов – ученых, писателей, деятелей культуры, журналистов, позволяло завербовать в ряды друзей СССР представителей интеллигенции. Это была ответственная задача, и трудности начались уже на этапе приглашения гостей. В списках кандидатов для приглашения на празднования, которые постоянно корректировались, менялись, дополнялись в аппарате Коминтерна и Всесоюзном обществе культурной связи с заграницей (ВОКС), фигурировали, в частности, К. Гамсун, Г. Манн, Б. Шоу, Г. Уэллс, К. Чапек, Р. Тагор, Ромен Роллан, Жюль Ромен, Виктор Маргерит, Жорж Дюамель. Никто из них в итоге в СССР не приехал.

Из крупных американских писателей организаторы торжеств пыта-

лись пригласить только Э. Синклера: автор «Джунглей» постоянно присутствовал во всех вариантах списка «кандидатов в делегаты». Коминтерн предлагал также «выписать в Москву» «сочувствующих» из числа американских негритянских писателей – У.Э.Б. Дюбуа, Джеймса Уэлдона Джонсона [РГАСПИ. Ф. 499. Оп. 99. Д. 19], но эти кандидаты довольно быстро исчезли из рекомендательных списков – по-видимому, до их приглашения дело не дошло.

Основная подготовка к Октябрьским торжествам развернулась только с сентября, когда Политбюро ЦК ВКП(б) приступило к подготовке специального правительственного акта по случаю юбилея [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 650. Л. 3–4; этот акт был выпущен 13 октября 1927 г.]. Вскоре стало ясно, что планы пригласить целый ряд писателей с мировым именем обречены на провал, поскольку их надо было звать заблаговременно. Получив из Москвы списки кандидатов, зарубежные эмиссары ВОКС вскоре выяснили, что почти никто не сможет бросить свои дела и обязанности и через месяц выехать в СССР. В Москву телеграфом и почтой шел поток отказов и извинений. Так, например, 18 октября 1927 г. уполномоченный ВОКС в США Б.Е. Сквирский отправляет длинный список «запрошенных нами лиц, которые выразили свое сожаление по поводу того, что они, по разным причинам, в настоящий момент не в состоянии поехать в СССР», – и в их числе Эптон Синклер, который попросил «передать его наилучшие пожелания дальнейшего успеха нашему Союзу» [ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Ед. хр. 47. Л. 115]. В итоге в официальной делегации США писателей не оказалось вовсе, хотя два крупных американских прозаика – Теодор Драйзер и Синклер Льюис – все же добрались до праздничной Москвы.

Драйзер, Льюис и Дороти Томпсон были хорошо знакомы друг с другом; у всех путь в Москву лежал через Берлин, где они увиделись перед выездом в Россию. Отношения соотечественников нельзя было назвать гармоничными: Драйзер и Льюис недолюбливали друг друга. После встречи в берлинском отеле Драйзер оставляет в дневнике выразительную запись: «28 октября 1927 г. <...> В 11.20 ко мне явились Синклер Льюис и его друзья – шумная, тщеславная и пустая компания. Мне никогда не нравился Льюис» [Dreiser 1996, 49].

Первой из Берлина в СССР отправилась Дороти Томпсон: уже к 1 ноября она оказалась в Москве. Чуть позже выехал Драйзер: он приехал в советскую столицу 4 ноября. Льюис же остался в Берлине, куда ему почти ежедневно писала Томпсон с подробными рассказами о своем пребывании в Советском Союзе. Льюис добрался до Москвы только к декабрю и, по его собственному утверждению, главной причиной, побудившей его отправиться в это путешествие, была «Дороти» [Щербинина 2017, 60], что неудивительно: у Льюиса и Томпсон начался бурный роман, завершившийся в мае 1928 г. законным браком.

В отличие от Льюиса, Драйзера поехать в СССР побудили не личные причины, а интерес к совершавшемуся в России социальному эксперименту. В Москву его пригласил в начале октября американский активист

Межрабпома Фред Бидекапп, уверивший писателя, находившегося в тот момент в зените славы, что все расходы по его путешествию берет на себя «советское правительство». Несмотря на плохое самочувствие и страх перед русской зимой 56-летний писатель решился принять приглашение, причем с условием, что поездка не ограничится Москвой, а продолжится путешествием по стране, включая Сибирь, Волгу, Украину [Dreiser 1996, 29]. Хотя в Сибири Драйзеру побывать не удалось, половину своего срока в СССР (начиная с конца ноября) он провел в путешествиях по городам и весям. Его маршрут включал Ленинград, Нижний Новгород, Харьков, Киев, Донбасс (Сталино), Ростов, Кисловодск, Минеральные Воды, Баку, Тифлис, Батуми, Новороссийск, Феодосию, Севастополь и Одессу, откуда он 13 января 1928 г. поездом отбыл в Париж.

Русское путешествие Драйзера началось с ряда обескураживающих накладок: его никто не встретил, ВОКС игнорировал его приезд, поскольку он числился как гость Межрабпома, и первые десять дней американский классик сам оплачивал все расходы и самостоятельно ориентировался в Москве благодаря общению с соотечественниками – журналистами и американскими делегатами. Впрочем, сразу по приезде Драйзера ему нанес визит литературный критик Сергей Динамов; он пришел вместе с Рут Эпперсон Кеннел – молодой американкой, приехавшей в СССР в 1922 г. работать в интернациональной Автономной индустриальной колонии «Кузбасс», а в 1925 г. перешедшей на службу в библиотеку Коминтерна в Москве [Mickenberg 2017, 121–162]. Так у Драйзера появился собственный переводчик, гид, секретарь и новая возлюбленная, сопровождавшая его до самого конца путешествия. С 8 ноября Рут Кеннел вела начатый еще в Берлине путевой дневник писателя; ее машинописные записи Драйзер ежевечерне редактировал. Таким образом, литературным итогом путешествия стала не только изданная в США осенью 1928 г. книга Драйзера о России, но и машинописный «Русский дневник», который более полно и непосредственно отражает события и впечатления [см.: Панов, Панова 2015 а].

На парад 7 ноября автор «Американской трагедии» не пошел, ограничившись наблюдением за «маршировкой» из окон гостиницы. Официальным мероприятиям он предпочитал экскурсии по городу, походы в театр и осмотр советских учреждений в компании Кеннел и других соотечественников. Однако он посетил открытие Конгресса друзей СССР 10 ноября, где видел выступавших там Крупскую, Клару Цеткин, Рыкова, Анри Барбюса; 12 ноября Драйзер побывал на приеме для иностранной прессы и пообщался с Коллонтай, Литвиновым, Луначарским. Вечером 15 ноября он пошел на банкет в Моссовете, где произошло бурное выяснение отношений с руководством ВОКС. Драйзер угрожает, что отправится в путешествие на свои деньги, оставив за собой право ославить советское «гостеприимство» на весь мир, подчеркивает свой высокий статус, независимость («у меня есть деньги, свой секретарь-гид-переводчик, и мне ничего от вас не нужно!») и кричит, что «ВОКС вместе с г-жой Каменевой может катиться

к черту» [Dreiser 1996, 95–96; Kennell 1969, 32–33]. Поспешившая на шум глава ВОКС О.Д. Каменева с большим трудом погасила скандал, и на следующий день с утра секретарь бюро правления ВОКС И. Коринец явился к Драйзеру согласовывать маршрут. В придачу к Рут Кеннел гидами-переводчиками при нем назначаются начальник англо-американского сектора С. Тривас (для поездки в Ленинград) и врач по образованию София Давидовская (для путешествия по СССР).

М. Дэвид-Фокс, озаглавивший статью о поездке Драйзера в СССР «Тройная двусмысленность», показал амбивалентное восприятие Драйзером советской России [Дэвид-Фокс 2006]. Не менее сложным и двусмысленным было отношение к американскому путешественнику принимающей стороны. В докладной ВОКС отмечается: «Известный американский новеллист. Либерал. <...> По приезде Дрейзера в Москву он был передан ВОКСу как его гость с указанием, что он очень влиятельная фигура и что с ним необходимо особенно заняться» [РГАСПИ. Ф. 499. Оп. 99. Д. 19. Л. 74]. С другой стороны, отчеты гидов демонстрируют снисходительное отношение к «буржуазному индивидуалисту», пусть и не врагу, но «старому, непонятливому ретрограду», неспособному постичь величие происходящего в первой стране социализма:

«Драйзер... типичный буржуазный писатель со специфической мелко-буржуазной индивидуалистической идеологией <...> Драйзер слишком стар и болен для того, чтобы вникать в суть тех явлений, с которыми ему впервые приходится сталкиваться, это с одной стороны, с другой стороны – он абсолютно ничего не смыслит в экономике и очень мало что в политике. <...> ...при каждом его шаге его привыкшая к стандартному комфорту натура испытывала шоки... (грязь на улице, опоздание поездов, запыленные окна, гостиницы без американской техники и бедность одежд). <...> Независимо от этого Драйзер все же представит вещи в таком виде, что читатель поймет, что при Советской власти широкие массы рабочих и крестьян получили, и пользуются такой свободой, какой не существовало ни при царе, ни в других местах» [Александров 1998, 372–373].

Драйзер стремился вникнуть в литературную жизнь советской России, приобщиться к новому писательскому быту. Он посетил Всероссийский союз писателей на Тверском бульваре («дом Грибоедова» в «Мастере и Маргарите»), даже получил членский билет ВСП (ныне хранится в Отделе рукописей ИМЛИ РАН). Этот поход выразительно описывает Р. Кеннел в своих воспоминаниях:

«Когда мы вошли в приемную, высокий худощавый человек с изможденным лицом подписывал за столом какие-то бумаги. Я шепнула Драйзеру: “Это не Анри Барбюс?” Т.Д. двинулся к нему, но автор “Огня” поспешил к выходу, не заметив его... Драйзер одобрил идею писательской ассоциации, которую считал чем-то вроде писательского профсоюза, и выразил пожелание использовать этот опыт в Америке <...> Драйзер решил вступить с Союз писателей. Ему было приятно

думать, что его имя будет следующим в списках после Барбюса. Выйдя от председателя, он осмотрел помещение “своего Союза”: библиотека, лекторий, красивая столовая, где так уютно вести беседу за стаканом чая. В углу – большой медный самовар. Надпись гласила, что для членов ассоциации обед стоит 40 коп – около 25 центов. “Уверен, здесь так хорошо, когда собираются писатели, – задумчиво сказал ТД, вероятно вспоминая годы, проведенные им в одиночестве и борьбе за признание. – Будем иногда заглядывать сюда пообедать”» [Kennell 1969, 61–62].

Убедившись, что к писателям в СССР относятся внимательно и бережно, стараются создавать им все условия для работы, Драйзер постарался добиться от советских литературных функционеров наиболее выгодных условий сотрудничества.

В 1920-е гг. вышло несколько изданий драйзеровских произведений без согласования с автором; такое положение дел Драйзера решительно не устраивало. Его волновал вопрос, как выстроить отношения с Госиздатом, учитывая, что СССР не подписывал международной конвенции по авторскому праву. Советская сторона также была заинтересована в сотрудничестве с автором – это открыло бы новые и многообещающие перспективы. Драйзер несколько раз встречался с Динамовым и с зав. отделом Госиздата Осипом Бескиным, торговался, выдвигал жесткие требования. В воспоминаниях Рут Кеннел выразительно описана итоговая встреча:

«Драйзер явился в издательство в воинственном настроении, в какое он обычно приходил, общаясь с американскими издателями... Переговоры начались нервно. Американский автор сразу поднял вопрос о дешевых изданиях его романов и рассказов, опубликованных советскими издательствами <...> Госиздат просил предоставить ему эксклюзивные права на все сочинения, уже имеющиеся и будущие. Бескин предлагал 750 р. за каждые две уже вышедшие книги.

Автор был взбешен. “Я не приму это предложение. Лучше я вам их просто подарю”. Белокожий Осип Бескин покраснел – вплоть до уже намечавшейся ранней лысины: “Нам не нужны подарки. Мы хотим выплатить прошлые долги и начать строить отношения на честной, деловой основе. Ваши книги выходили дешевыми изданиями, потому что маленькие книжки в бумажной обложке более доступны для рабочих: “Нью-Йорк” стоит 65 коп., “12 американцев” – 12 коп. (копейка равнялась полценту). Итак, мистер Драйзер, прошу Вас сказать, сколько Вы хотите получить за эти старые долги”. – “Тысячу долларов”. – “Хорошо. Теперь давайте обсудим договор”.

Драйзер выдвинул жесткие условия. <...> Наотрез отказавшись торговаться, он настаивал на авансе от 600 до 1000 долларов за каждую книгу, предоставлении отчета об авторских гонорарах каждые полгода и долларовых выплатах в размере 10% от общей суммы продаж <...> Соглашение было достигнуто» [Kennell 1969, 59–60; Панов, Панова 2015 б].

Госиздат, однако, своих обещаний не сдержал. Гонорары выплачивались не полностью и не своевременно. Уже к началу 1930-х гг. Драйзер по-

нимает, что принципы общения с издателями, к которым он привык дома, не работают в СССР: советские товарищи платят ему не по условиям авторского контракта, а за то, что он является «другом Советского Союза», и единственный способ получить расчет сполна – это обращаться непосредственно к Сталину [см.: Драйзер 1998, 157–158].

Проблемой легализации отношений с советскими издателями был озвучен по прибытии в Москву и Синклер Льюис. Дороти Томпсон сообщила ему из Москвы, что в России не соблюдается авторское право и что она видела на книжной выставке целый ряд советских изданий его произведений («Бэббит», «Главная улица», «Эрроусмит», «Работа», «Капкан», «Наш мистер Ренн»), выпущенных без согласования с автором [Щербина 2017, 59]. Приехав в Москву, Льюис попытался разобраться в этом вопросе. Гид-переводчик Чумак докладывал:

«8.12. 1927 г. ...я пришел часов в 10 утра в гостиницу к Льюису..., и он, не дав мне ни слова выговорить насчет программы, стал объяснять мне свои планы насчет сближения русских и американских издателей. Поручив мне созвониться с председателем худлит секции Госиздата тов. Бескиным и пригласить его в отель для беседы, Льюис пошел в комнату мистера Вуда (Джуниус Вуд – корреспондент газеты «Chicago Daily News». – *С.П., О.П.*), где собрались еще несколько американцев – мистер Хоппер, Анна Луиз Стронг и еще один и часа два о чем-то беседовали. В два часа дня к Льюису пришел т. Бескин с секретарем отдела... и “конгресс” открылся. Льюис предложил т. Бескину обсудить вопрос о предпринятии предварительных шагов для заключения генерального договора между Госиздатом и рядом американских издателей. <...> Как Льюис, так и т. Бескин... выразили надежду, что заключение такого контракта приближает обе стороны к международной конвенции писателей, что в свою очередь, будет шагом к признанию СССР Америкой... Из всего разговора Синклер Льюиса можно думать, что он совершенно серьезно задумал каким угодно путем установить в будущем определенные взаимоотношения между издательствами Америки и Госиздатом, но от неожиданности этого вопроса у него маленькое головокружение, и от этого он преувеличивает перспективы» [ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Ед. хр. 62. Л. 69–70].

В отличие от Драйзера, Синклер Льюис и Дороти Томпсон не выезжали за пределы Москвы, ограничившись стандартной программой «культпоказов»; по приезде Льюиса они посетили Троице-Сергиеву Лавру, ряд фабрик и клубов, редакцию «Безбожника», Осоавиахим, Камерный и Большой театры; с Льюисом встретилась председатель ВОКС О. Каменева. Если Дороти Томпсон живо интересовалась разными сторонами советской жизни (что и отразилось в изданном ей травелоге «Новая Россия»), обдумывала возможность еще раз посетить СССР для поездки по стране, то Льюис был не слишком вдохновлен путешествием. Его угнетали бытовые неудобства, раздражала чрезмерная и навязчивая опека ВОКС, перегруженность культурной программы и ее откровенная нацеленность на пропаганду, а также различные накладки и неувязки, что ясно видно из

дневника его гида-переводчика:

«6.12.1927. <...> По программе нам нужно было быть в 10 часов утра на заводе “Трехгорной мануфактуры”, но, в виду того, что время уже было позднее..., Синклер Льюис решил отложить поездку на фабрику до часу дня. <...> в 12 часов было назначено свидание с тов. Динамовым из Госиздата, с которым Синклер Льюис беседовал по поводу заключения договора с Госиздатом на его будущие книги. Окончился разговор с тов. Динамовым во втором часу дня, и мы с небольшим опозданием поехали в Трехгорный завод, где с помощью руководителя мы осмотрели завод и клуб, а также провели небольшую беседу с зам. директора. Согласно программы, нам в 3 часа следовало быть в Институте социального перевоспитания, но осмотр завода очень заинтересовал Синклера Льюиса, и он заявил, что ему желательно пробыть большее время на заводе, так как за час ничего осмотреть нельзя и лучше побывать на одном заводе, но хорошо его осмотреть, чем быть в нескольких местах и ничего в общем не увидеть из-за постоянной спешки. <...> Между прочим, Синклер Льюис находит, что при выработке программы не стоит указывать определенные часы того или иного посещения учреждения, так как, во-первых, это его связывает в том смысле, что он не может остаться в одном месте, сколько ему нужно или хочется, и, во-вторых, ему в течение дня могут позвонить или прийти люди, с которыми, он считает, ему нужно было бы повидаться... Пример – сегодняшний день. Он хочет быть совершенно свободным от всякого принудительного посещения какой-либо фабрики или музея <...>

7.12.1927. <...> Синклер Льюис был занят разговором с Драйзером до 11 ч. утра, поэтому мы вышли из гостиницы только в 12-м часу. Поехали первым делом в Дом Крестьянина, где пробыли всего лишь 40 мин... Синклер Льюис к осмотру Дома Крестьянина отнесся безразлично, стараясь как можно скорее уйти. Из Дома Крестьянина мы поехали прямо в Госиздат, где Синклер Льюис беседовал с председателем худлит отдела по поводу заключения контракта на его книги. В Госиздате мы пробыли больше часа, после чего зашли в столовую и пообедали. <...> ...к 4 часам пришли в редакцию “Безбожник”, где Синклер Льюис осматривал стенные рисунки и беседовал с председателем. <...> В Ночной санаторий (указанный в программе) Льюис не пошел, так как считал, что не успеет ничего осмотреть за полчаса, так как вечером он собирался в Большой Театр [ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 8. Ед. хр. 62. Л. 62–65].

Из всего калейдоскопа советских впечатлений американские путешественники смогли вывести некоторое обобщение и дать картину нового строя и разных сторон жизни советской страны. Обе книги о России – и Драйзера, и Томпсон – показывают СССР в динамике, в ситуации «рывка», стремительного, хоть порой и неуклюжего, движения вперед. Издание их травелогов сопровождалось громким скандалом: Д. Томпсон заявила, что обнаружила у Драйзера заимствования из своей книги «Новая Россия» (вышедшей 7 сентября 1928 г., двумя месяцами раньше книги «Драйзер смотрит на Россию») и серии своих статей об СССР. Эта история, возможно, стоила Драйзеру Нобелевской премии (ее получил в 1930 г. не

он, а С. Льюис) и окончательно расстроила отношения писателей [см.: Swanberg 1965, 342–347]. Дело даже дошло до рукоприкладства: 19 марта 1931 г. на писательском обеде в «Метрополитен-клубе» Льюис публично заявил, что он не хочет держать речь в присутствии человека, укравшего у его жены 3000 слов; в ответ Драйзер дал Льюису пощечину (свидетелем инцидента был Борис Пильняк, описавший его в своем «американском романе» «О'кей»). И Рут Кеннел, и советские друзья Драйзера в этом споре были на его стороне. С. Динамов, красочно описав в статье «Теодор Драйзер и революция» разразившийся скандал, сделал специальное примечание: «Между прочим, я лично наблюдал работу Драйзера над книгой о “Советском Союзе”, видел, как тщательно он собирал материал для нее; конечно, ни о каком плагиате не может быть и речи, приведенные в свое время женой Синклера Льюиса, Дороти Томпсон, примеры говорят только о том, что были совпадения в использовании справочных работ о СССР» [Динамов 1933, 87].

Драйзер, больше не посещавший Россию, неизменно оставался «другом СССР», а его вступление за несколько месяцев до смерти в компартию США позволило советской литературной критике представлять путь великого американского писателя как преодоление ошибок и заблуждений и движение ко все более полному приятию учения Маркса-Ленина-Сталина, которое «всесильно, потому что верно».

Судьба нобелеата Льюиса в СССР была прямо противоположна судьбе «советского американского классика» Драйзера: несмотря на благоприятные отзывы работников ВОКС о Льюисе и его пребывании в Москве, в 1930-е гг. он постепенно теряет популярность и признание. Если на рубеже 1920–1930-х гг. автор «Бэббита» и «Главной улицы» считался у нас одним из самых талантливых, ярких и перспективных «попутчиков», то уже к середине 1930-х он объявляется соглашателем, который пишет все хуже, увязая в мелкотемье и мелкобуржуазных предрассудках.

Динамика литературной репутации Драйзера и Льюиса в СССР – пример двух противоположных советских идеологических моделей выстраивания писательской биографии: 1. Постепенное восхождение от мелкобуржуазных заблуждений к «правильному мировоззрению», увенчавшееся кодой – вступлением в компартию за четыре месяца до кончины (Драйзер); 2. Постепенная деградация, уводящая от левых, революционных взглядов в «трясину» буржуазности и реакционности, и как следствие – угасание писательского таланта (С. Льюис).

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров В. Теодор Драйзер в Советском Союзе (Архивные находки) // Вопросы литературы. 1998. № 5. С. 365–373.
2. Динамов С. Теодор Драйзер и революция // Кризис капитализма и союзники пролетариата в литературе Запада. Сб. 1. М.; Л., 1933. С. 64–97.
3. Драйзер Т. Письмо И. Сталину // Источник. 1998. № 1 (32). С. 156–158.

4. Дэвид-Фокс М. Тройная двусмысленность. Теодор Драйзер в Советской России (1927–1928): паломничество, похожее на обвинительную речь // Культуральные исследования / под ред. А. Эткинды, П. Лысакова. СПб.; М., 2006. С. 290–319.

5. (а) Панов С.И., Панова О.Ю. «Драйзер смотрит на Россию»: к истории книги Т. Драйзера об СССР // Вестник Университета Российской академии образования. 2015. № 4 (77). С. 61–67.

6. (b) Панов С.И., Панова О.Ю. Послесловие к предисловию: материалы к истории (не)издания Драйзера в СССР // Новые российские гуманитарные известия. 2015. № 10. URL: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/> (дата обращения 7.09.18).

7. Щербинина О.И. Травелог Дороти Томпсон «Новая Россия»: история одной командировки в СССР // Литература двух Америк. 2017. № 3. С. 55–66.

8. Dreiser's Russian Diary / ed. T.P. Riggio, J.L.W. West III. Philadelphia, 1996.

9. Kennell R.E. Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle. New York, 1969.

10. Mickenberg J. American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream. Chicago, 2017.

11. Swanberg W.A. Dreiser. New York, 1965.

Архивы

ГА РФ – Государственный архив Российской Федерации (Москва).

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории (Москва).

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Aleksandrov V. Teodor Drayzer v Sovetskom Soyuze (Arkhivnyye nakhodki) [Theodore Dreiser in the Soviet Union (Archived Materials)]. *Voprosy literatury*, 1998, no. 5, pp. 365–373. (In Russian).

2. (a) Panov S.I., Panova O.Yu. “Drayzer smotrit na Rossiyu”: k istorii knigi T. Drayzera ob SSSR [“Dreiser Looks at Russia”: T. Dreiser's Book on the USSR]. *Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya*, 2015, no. 4 (77), pp. 61–67. (In Russian).

3. (b) Panov S.I., Panova O.Yu. Poslesloviye k predisloviyu: materialy k istorii (ne) izdaniya Drayzera v SSSR [An Afterword for a Foreword: Materials on (Non)publishing Dreiser's Works in the USSR]. *Novye rossiyskiye gumanitarnyye izvestiya*, 2015, no. 10. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/1957/> (accessed 7.09.18). (In Russian).

4. Shcherbinina O.I. Travelog Doroti Tompson “Novaya Rossiya”: istoriya odnoy komandirovki v SSSR [Dorothy Thompson's Travelogue “New Russia”: The History of One Assignment to the USSR]. *Literatura dvukh Amerik*, 2017, no. 3, pp. 55–66. (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. David Fox M. Troynaya dvusmyslennost'. Teodor Drayzer v Sovetskoy Rossii (1927–1928): palomnichestvo, pokhozheye na obvinitel'nyu rech' [Triple Ambivalence. Theodore Dreiser in the Soviet Russia (1927–1928): A Pilgrimage Similar to a Speech for the Prosecution]. *Etkind A., Lysakov P. (eds.) Kul'tural'nye issledovaniya* [Culture Studies]. Saint-Petersburg; Moscow, 2006, pp. 290–319. (In Russian).

6. Dinamov S. Teodor Drayzer i revolyutsiya [Theodore Dreiser and the Revolution]. *Krizis kapitalizma i soyuzniki proletariata v literature Zapada* [The Crisis of Capitalism and the Allies of the Proletariat in Western Literature]. Collection 1. Moscow; Leningrad, 1933, pp. 64–97. (In Russian).

(Monographs)

7. Kennell R.E. *Theodore Dreiser and the Soviet Union, 1927–1945: A First-Hand Chronicle*. New York, 1969. (In English).

8. Mickenberg J. *American Girls in Red Russia: Chasing the Soviet Dream*. Chicago, 2017. (In English).

9. Swanberg W.A. *Dreiser*. New York, 1965. (In English).

Панов Сергей Игоревич, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник. Сфера научных интересов: история русской литературы; зарубежные связи русской литературы.
E-mail: litfact@gmail.com

Панова Ольга Юрьевна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН.

Доктор филологических наук, профессор МГУ; старший научный сотрудник ИМЛИ РАН. Сфера научных интересов: история литературы США; русско / советско-американские литературные связи.
E-mail: olgapanova65@gmail.com

Panov Sergey I., M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Candidate of Philology, Senior Research Fellow. Research interests: history of Russian literature; literary connections of Russia and the West.
E-mail: litfact@gmail.com

Panova Olga Yu., Lomonosov Moscow State University; A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Doctor Hab. of Philology, Professor, MSU; Senior Research Fellow, IWL RAS. Research interests: history of American literature; Russian/Soviet-American literary contacts.
E-mail: olgapanova65@gmail.com

М.А. Жиркова (Санкт-Петербург)

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

**ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ СВЯЗИ В РАССКАЗЕ
САШИ ЧЕРНОГО «КАПИТАН БОПП»**

Аннотация. В эмигрантском творчестве Саши Черного наблюдается уход от сатиры и обращение к иронии и лирике. При этом лиризм проникает не только в поэзию, но и в прозу. В статье впервые представлен анализ рассказа «Капитан Бопп», лиризм которого связан с особой эмоциональной наполненностью текста: эмигрантская тоска сменяется в нем намеком на благополучие и счастье. В период эмиграции в поэзии и прозе Саши Черного часто звучат имена русских писателей и поэтов, а в героях и сюжетных ситуациях писателя нередко угадываются сюжеты и образы русской классической литературы XIX в. Использование сюжетов и образов русской классической литературы становится одним из поэтических принципов творчества Саши Черного в эмиграции. В рассказе «Капитан Бопп» можно увидеть несколько «литературных слоев». Схема народной сказки становится основой, но кроме этого писатель вступает в диалог с русской литературой: он включает в текст своего рассказа чтение главным героем одноименной стихотворной повести Жуковского. Наблюдаются сюжетные переключки двух произведений, выявляются традиции эстетики сентиментализма в прозе писателя-эмигранта. Для писателя важен высокий литературный контекст, которым он окружает своих героев и который позволяет им подняться над бытом и прозой жизни, переводит их чувства в высокую поэзию.

Ключевые слова: Саша Черный; В.А. Жуковский; Н.Г. Чернышевский; Данте; ирония; юмор; лиризм прозы; рассказ; сюжет; сказка; молитва; сентиментализм.

М.А. Zhirkova (Saint-Petersburg)

ORCID ID: 0000-0003-4107-6944

**The Intertextual Relations in Sasha Cherny's Short Story
“Captain Bopp”**

Abstract. In the emigrant works of Sasha Cherny there is a departure from satire and an appeal to irony and lyrics. At the same time, lyricism penetrates not only his poetry but prose as well. The article for the first time presents the analysis of the short story “Captain Bopp”, the lyricism of which is associated with a special emotional fullness of the text: an emigrant longing is replaced by a hint of well-being and happiness. During the period of emigration, the names of Russian writers and poets are often heard in Sasha Cherny's poetry and prose, in whose characters and plot situations the plots and images of Russian classical literature of the 19th century can often be guessed. The use of plots and images of Russian classical literature becomes one of the poetic principles of Sasha Cherny's works in emigration. In the short story “Captain Bopp” you can see several “literary layers”. The scheme of a folk tale becomes the basis. Besides that, the